

социальных и личностных задач; – вариативность мышления и способность к адаптации в новых экономических и политических условиях; – способность понимания стратегических ориентиров развития общества; – готовность к освоению смежных и новых специальностей; – духовность как осознание ценностей и смысла жизни; – готовность к выполнению различных социальных ролей: семейных, профессиональных, гражданских и др.; – национальная идентичность. В этой связи задачами социализации личности студента в вузе являются: помощь в их социальной адаптации; утверждение ценности духовного мира и самооценности личности (формирование гуманистических принципов и идеалов); обеспечение знаний и умений осознанной политической ориентации, чувства гражданственности; развитие мотивации деятельности с учетом социальных путей развития общества; формирование способности противостоять социальному манипулированию [4]. Отсюда к критериям продуктивной социализации относятся: – сформированность гуманистических ценностей, установок, стереотипов; – достигнутый уровень образованности: сформированность интегральной картины мира; – социальная адаптированность: устоявшийся рационально-мотивированный «образ жизни»; – обретение социальной идентичности: сформированность личности как социального субъекта, принадлежности к определенной общности, обретение устойчивости и целостности; – гражданская активность: самостоятельность и независимость в суждениях и поведении, уверенность, инициативность; – духовность как нравственное измерение мыслей, поступков, образа жизни и др. Основными направлениями здесь становятся: профессиональная, политическая, правовая, религиозная, ценностно-ориентационная, нравственная, физкультурно-спортивная и семейная социализация личности студента.

Заключение. Рассмотренные теоретические и эмпирические аспекты социализации студентов в условиях вуза становятся методологическим основанием эмпирической программы исследования этого процесса в рамках специализированного научного исследования кафедры философии.

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М., 2005. – С. 68–92.
2. Гишинский Я.И. Стадии социализации индивида / ЯИ. Гишинский // Человек и общество: Проблемы социализации индивида. – Вып. 9. – Л., 1971. – С. 44–55.
3. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы / А.И. Ковалева, В.А. Луков. – М., 1999. – С. 190–231.
4. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации / Н.А. Головин. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – С. 201–204.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (на примере Полоцкой епархии)

*Е.Б. Лавицкая
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Развитие образовательной системы требует в первую очередь исторического анализа процесса ее формирования и становления. Именно поэтому в период активной реорганизации образовательного пространства Республики Беларусь интерес со стороны ученых вызывают вопросы изучения системы обучения и воспитания в историко-духовном аспекте. Такая постановка вопроса определяет акту-

альность цели нашей работы – выявление особенностей развития образования на территории Беларуси во второй половине XIX века.

Материал и методы. Основой для проведения исследования послужили изучение и анализ историко-статистических данных о педагогической деятельности православной конфессии на территории Витебской губернии, а также архивные документы Полоцкой епархии второй половины XIX века.

Результаты и их обсуждение. До издания положения о начальных училищах ведения Министерства Народного Просвещения, т.е. до 1864 года, дело народного образования в Полоцкой епархии находилось исключительно в руках православного духовенства. Точных сведений о числе школ, открытых духовенством за это время, и о количестве учащихся в них дать невозможно, т.к. сохранилось очень мало сведений. Во всяком случае, есть полное основание думать, что число таких школ было весьма значительно. Так по Витебскому уезду, как свидетельствует уездный наблюдатель, церковные школы за указанный период были «во всех приходах».

Гораздо больше воспоминаний сохранилось о внутреннем устройстве старинных церковных школ. Особых, специально устроенных зданий эти школы не имели, а если имели, то в очень редких случаях. Школы находились в домах священников, дьячков, пономарей, в церковных сторожках и в лучшем случае – в особых «кистопках», находившихся в усадьбах настоятелей церквей и устроенных на их личный счет. Класная мебель состояла из длинного стола, пред которым с обеих сторон стояли такие же скамьи. На этих скамьях, тесно прижавшись друг к другу сидели дети, а нередко и юноши, разделяясь на «азбучников» и «вершников» (читающих «по верхам», т.е. без предварительного складывания букв). Обучением занимались священники, дьячки, пономари, просфорнии или лица, специально приглашенные для обучения священниками, по большей части их родственники, не находившие себе другого рода службы. Никакого вознаграждения за свой труд учителя от казны не получали. Не было никаких пособий на устройство и оборудование школ, на книги и письменные принадлежности. Все это устроители приобретали на церковный или даже свой личный счет, и все субсидии ограничивались только «доброхотными даяниями» родителей учеников. Зато несложной была программа этих школ. Ученики обучались молитвам, священной истории и катехизису по «начаткам», славянскому и гражданскому чтению, письму, счислению и, обязательно, церковному пению. Ученики были по большей части приходскими, и учење продолжалось только до вечерних сумерек. Расписаний уроков не было: предметы и продолжительность каждого урока зависели от усмотрения учителя. Урочные занятия начинались и заканчивались молитвою. Строго исполнялись также вечерняя и утренняя молитвы. Первые уроки всегда предназначались для занятий по Закону Божию, а затем, в течение дня, преподавались все остальные предметы. Так как программ в церковных школах того времени не было, то объем сообщаемых ученикам знаний определялся или желанием родителей учеников, или же степенью подготовленности самих учителей, которые (например, пономари) далеко не всегда шли дальше простой грамотности.

Дело обучения начиналось со славянской грамоты. После твердого и самого тщательного усвоения славянского алфавита приступали к изучению слогов (по буквослагательному способу). Дело это считалось весьма трудным, и многие из учащихся едва осиливали его в течение года. После выучки слогов начиналось чтение «по верхам», а также чтение и заучивание слов под титлами. По достаточном усвоении механизма славянского чтения начинали читать и гражданскую печать. Эта работа не представляла для учащихся тех затруднений, какие им прихо-

дилось преодолевать при усвоении славянской грамоты. Обучение письму началось после достижения достаточного навыка в чтении гражданской печати. Ученики писали немного, но тщательно, так как бумага в то время была ещё достаточно дорога. Обучение арифметике ограничивалось сообщением со стороны учителя и усвоением со стороны учеников механизма главнейших арифметических действий с целыми числами; в решении задач ученики не упражнялись или упражнялись очень мало. Пение изучалось по слуху и при том исключительно церковное.

Обучение в прежних церковных школах было делом весьма трудным. Грамотность давалась далеко не всем, а только наиболее способным. Но в этом никак нельзя винить старинную школу, а тем более приходское духовенство – виновато было время и та скудная обстановка, в которую было поставлено дело обучения. Наукой еще не было выработано тех упрощенных приемов, которыми впоследствии будет свободно владеть любой мало-мальски сносна подготовленный учитель школы грамоты. Не встречая материальной поддержки со стороны государства, церковная школа в отношении средств всецело лежала на плечах духовенства и, соответственно нищенскому положению последнего, во всем терпела страшную нужду – в помещениях, учебниках и учебных пособиях. Начиная с 1848 года на помощь духовенству в деле просвещения начинает приходить правительство в лице ведомства государственных имуществ. Заботясь о судьбе так называемых «государственных» крестьян, означенное ведомство открывало для них и школы. Этим школ было очень немного (по 2–3 на уезд), зато они были хорошо обеспечены в материальном отношении: для школ устраивались особые здания, учителя получали определенное жалование (по 125 рублей в год), ученики содержались в общежитиях за казенный счет.

С начала 60-х годов направление народного образования в полоцкой епархии, как и во всей России, существенно изменяется. В качестве главного фактора в этом отношении теперь выступает Министерство Народного Просвещения, прежде ведавшее только высшей, средней и низшей светскими школами. По «Положению начальных народных училищ» от 14 июня 1864 года ведению министерства были подчинены не только им самим открытые школы и училища ведомства Государственных имуществ, – но и «церковно-приходские школы духовного ведомства, открываемые приходским духовенством в городах, посадах и селах, с пособием или без пособия от казны». Этим актом церковным школам и деятельности духовенства по народному образованию нанесен был тяжелый удар, последствия которого сказались очень быстро. Церковные школы стали очень быстро исчезать целыми десятками, а на их развалинах столь же быстро появились школы нового типа – начальные народные училища Министерства Народного Просвещения. К началу 80х годов первые школы существовали кое-где как случайные и крайне редкие.

Заключение. Подводя итог вышесказанному необходимо заметить, что церковную школу никак нельзя считать безрезультатной, не говоря уже о том, что она все-таки давала значительное число грамотных людей и тем удовлетворяла насущной потребности своего времени. Несомненную и очень крупную заслугу старинной школы составляет то, что она подготовила почву для дальнейшего развития образования на белорусских землях.

Список литературы

1. Серебренников, Н. Краткий историко-статистический очерк развития церковной школы Полоцкой епархии за 1884–1909 гг./ Н. Серебренников. – Витебск: Губернская Типография, 1909.